

Эх, зловредный же человек этот Чуцзин! На словах — блестящий регент, а на деле — нищий в долгах как в шелках. Впрочем, самого регента это мало волновало: блеск напоказ — уже хорошо, не так ли? Пока он не узнал, какую астрономическую сумму задолжал государственному наставнику!

Регент... Регент по-прежнему оставался невозмутим. Он поглаживал подбородок, размышляя о том, какова вероятность просто кинуть кредитора на деньги. Всё равно он заражен смертельным гу-червем и долго не протянет — подумаешь, откажется платить по счетам, и что ему этот лысый сделает?!

Государственный наставник... Государственный наставник всё еще изо всех сил пытался найти для регента противоядие...

И как, скажите на милость, у него после этого совесть не мучается?!

* * *

Предыдущий император — отец регента и дед нынешнего маленького императора — был человеком изнеженным, развратным и сорил деньгами направо и налево. С великим трудом испустив дух и отправившись в могилу вместе со своими любимыми погребальными сокровищами, он оставил дяде с племянником казну и личные сокровищницы, в которых хоть коней паси, да горы долговых расписок, росших быстрее снежных хлопьев...

На плечи Чуцзина легли бесконечные внутренние и внешние проблемы. Регент разрывался между тремя задачами: предотвращать попытки узурпации трона, воспитывать ребенка и зарабатывать деньги на уплату долгов. Он познал всю горечь бытия — эта ноша казалась такой же невыполнимой, как попытка сорвать звезду с неба голыми руками!

Еле-еле утихли смуты, подрос маленький император, и когда регент уже решил, что сможет вздохнуть свободнее, выяснилось, что из монарха вырастили вечного младенца, которого никак не отучат от соски!

Регент-кормилец подпер рукой подбородок, размышляя, где же именно в его системе воспитания ремнем и окриком произошел сбой.

Маленький император:

— Императорский дядя — самый лучший! Императорский дядя всегда прав! Императорский дядя любит меня сильнее всех!

Регент:

— ...Нет, сильнее всех я люблю государственного наставника.

Маленький император в ужасе вытаращил глаза, взмахнул рукой и утер слезы:

— Я иду прыгать с крыши! И-и-и!

В нынешние времена быть императорским дядей трудно, быть регентом — еще труднее, а совмещать обе эти роли — труднее вдвойне! Денег нет, зато есть полжизни за душой, нищ до звона в карманах, но из кожи вон лезет ради приличий — таково незавидное амплуа регента-улучшайзера против бессловесного, косноязычного, баснословно богатого и невозмутимо благодушного монаха-штурмана.

Основная идея: долг платежом красен — закон непреложный.

Зима в городе Шанцзин вечно была до боли холодной — пробирающей до самых костей, до самой мозговой губки. На гладкой красной черепице крыш лежал тонкий слой снега, гордо возвышались изящные беседки и терема, но в покоях, где расставляли жаровни, стояла весенняя теплая погода.

Какой-то худющий ребенок брел по темному переулку. Он безумно хотел есть и жадно, огромными кусками уплетал зачерствелый холодный малау, что зажимал в руке. Его исхудавшие маленькие ручки и уши покраснели от жгучего мороза, на ногах болтались разношенные, грязные и рваные башмаки, из прорывов которых выглядывали перемазанные грязью пальцы. Наброшенный на плечи стеганный халат пестрел заплатками всех цветов радуги — зрелище было точь-в-точь как у нищего, наряженного в цветастую шутовскую одежду.

Видимо, небеса сочли, что жизнь мальчишки всё еще слишком сладка, потому что откуда ни возмись набегла ватага настоящих бродяжек, одетых даже приличнее него. Впереди вышагивал мальчик на голову выше Цзюсюя; он задрал нос и глядел на него свысока, явно воображая себя грозным атаманом.

В глазах Цзюсюя эта поза выглядела вовсе не внушительно — точь-в-точь та глупая хохлатая гусыня, что важничала во дворе старой кормилицы, пытаясь всех запугать.

— Ублюдок, а ну выкладывай малау!

Рано или поздно я эту гусыню зажарю, больно много шуму от нее, — подумал Цзюсюй.

В уличных законах действовало одно неизменное правило: хочешь жить — умей махать кулаками! Цзюсюй усвоил его с пеленок: здесь слабость равнялась побоям, а он отнюдь не собирался покорно подставлять шею под удар.

Заметив, что Цзюсюй не сдвинулся с места, вожак рассвирепел:

— Эй, фас его!

Главарь бросился на Цзюсюй вместе с семью-восемью ребятишками, настроенными явно насмерть загрызть обидчика. Цзюсюй с сожалением покосился на малау в своей руке: понял, что сегодня поесть ему не удастся. Нащупав взглядом ближайшую лужу с грязью, он взмахнул рукой — и хлеб точнехонько угодил в жижу, вмиг покрывшись отвратительным черным налетом.

Цзюсюй никогда не был тем, кто покорно сносит удары. Озлобленный не хуже потерявшего стаю волчонка, он наплевал на остальных и накинулся на главаря с намерением забить его до смерти. Если бы тот умел драться, он бы не стал собирать целую толпу — теперь же задира только истошно вопил под градом ударов.

Впрочем, сам Цзюсюй пострадал ничуть не меньше, а то и больше. Кто-то угодил ему кулаком прямо в глаз, и лишь чудом — благодаря тому, что он вовремя отшатнулся — зрение было спасено. Навалившись на главаря всем весом, Цзюсюй вскинул кулак и со злобой обрушил его на лицо противника.

Мальчишка взвизгнул раненым поросенком, зажал кровоточащую глазницу — в его уцелевшем глазу дико полыхнула ярость. Опрокинув Цзюсюя на землю мощным переворотом, он вцепился тому в пояс и принялся колотить кулаками по голове.

Двум кулакам трудно справиться со множеством рук, и вскоре Цзюсюй уже не мог подняться. Его тощему телу оставалось лишь принимать удары со всех сторон — град пинков и кулаков сыпался на него без передышки. Рядом лежал тот самый вожак со неестественно вывернутой рукой и распухшим до неузнаваемости свиным лицом. Глядя на распростертого на земле Цзюсюя, в живых ли, в мертвых ли, тот презрительно сплюнул, хромая подошел и вдогонку отвесил пару свирепых пинков.

Бросив взгляд на испорченный грязный кусок хлеба, мальчишка выругался матом и, прихрамывая, увел свою шайку процветающих разбойников.

Цзюсюй пластом лежал на ледяной земле, не в силах пошевелиться. В бок больно впивался нефритовый кулон нежно-зеленого оттенка, висевший на черном шнурке; на крошечном камне красовался выбитый размашистым почерком иероглиф «Чу».

Боль уже заполнила всё тело, превратившись в тупое онемение, пошевелить пальцем не получалось. Небо затянуло свинцовыми тучами, грозившими в любой момент разразиться бурей.

Жизнь так тяжела именно потому, что стоит тебе преодолеть одно препятствие, как перед носом вырастает следующее.

Крупные хлопья снега густо повалили с небес, укутывая хрупкое, тонкое тело белым саваном.

Сознание Цзюсюя затуманивалось, а в голове настойчиво крутился один и тот же холодный голос высокомерной женщины:

— Яо'эр, почему ты до сих пор не сдох?

Верно, его звали Яо'эр. Имя «Цзюсюй» он придумал сам, кое-как разобравшись в азах грамоты, подсмотренных исподтишка. Зима стояла лютая — такая же студеная, как и ледяная пустота в душе. Он любил зимнее солнце, любил золотистые лучи и отчаянно молил светило оставаться на небе подольше.

А имя Яо'эр дала та женщина, и Цзюсюй ненавидел его всей душой. Женщина эта доводилась ему матерью — надменная Жэнь-ванфэй, уже целое десятилетие носившая допотопный вдовий траур. Каким образом у вдовы десятилетней давности мог появиться сын, которому едва стукнуло семь, ведомо лишь небесам; во всяком случае, сам Цзюсюй понятия не имел.

Конечно, официально княгиня оставалась безупречной и чистой непорочной вдовой, а Цзюсюй числился лишь дальним родственником, приющенным из милости. Его судьба ее ни капли не волновала, и единственными словами, что он слышал чаще всего, были:

— Яо'эр, почему ты до сих пор не сдох?

Да с какой стати мне умирать?!

Раз уж она произвела его на свет, раз у него появилась собственная душа и собственная жизнь, с какой стати ему отправляться на тот свет в угоду тем, кто мечтает от него избавиться? А вот и не дождутся! Пусть он прозябает бездомным псом, он всё равно будет цепляться за жизнь — с какой радости ему умирать в угоду чужим желаниям?

Шедший быстрым шагом юноша в черном плаще свернул в переулок. Позади него гуськом семенила целая процессия из стражников и дворцовых слуг, чье великолепие разительно контрастировало с убожеством и мраком грязного закоулка.

Цзюсюй приподнял тяжелые веки, различив лишь смутный силуэт. Кто-то смахнул с него снег, а плечи укутал тяжелый, источающий спасительное тепло плащ, чье ласковое дыхание мгновенно отозвалось во всех заledenевших суставах. Окутанный туманом, он почувствовал, как его подхватили на руки. *Уж эта точно не та женщина,* — промелькнула мысль.

И в подтверждение его догадки раздался испуганный возглас:

— Ваше Высочество Наследный принц!

Наследный принц? Должно быть, ослышался. Какая связь между незаконнорожденным сыном какой-то княгини и наследником престола? Забыть, уснуть, проспаться... И с чистой совестью провалился в темноту.

Очнулся он уже в залитом ярким светом покое. Под ним расстиралось мягкое ложе, накрытое пушистым одеялом, а раны на теле были тщательно смазаны целебной мазью и совсем не болели. Это был самый уютный вечер за всю его зиму.

Украдкой приоткрыв один глаз на щелочку, он принялся изучать роскошную обстановку — даже покои той женщины не шли ни в какое сравнение с этим великолепием. Цзюсю был потрясен.

Раздались шаги, и в комнату вошел мальчик лет десяти. По сравнению с исхудавшим Цзюсюем он выглядел донельзя упитанным. Следом за ним семенили евнух со служанкой; оба держали головы опущенными, всем своим видом выказывая предельную осторожность и трепет.

Третий принц задрал двойной подбородок и свысока покосился на Цзюсюя:

— Так это и есть тот ублюдок, которого притащил сюда старший брат-наследник?

Услышав приближающиеся шаги, Цзюсюй прищурился и предпочел промолчать.

Видя такое отношение, Третий принц разъярился еще больше:

— Ублюдок! Я с тобой разговариваю!

— Третий младший брат! — раздался строгий окрик, и в комнату стремительно вошел Наследный принц. — Это пятый младший брат. Куда подевались твои манеры? Где братская любовь и почтение?

Мелкий толстяк смущенно замялся, не смея произнести ни звука. Наследный принц, обученный великим наставником, был воплощением безупречных конфуцианских добродетелей: он всегда заботился о младших, но за провинности карал сурово и без промедления.

Пятый младший брат? Лицо Цзюсюя на миг исказилось от странной гримасы. Он долго околачивался на улицах и успел набраться всяких слухов — и тех, что следовало знать, и тех, о которых лучше не ведать. Разве Жэнь-ванфэй не приходилась супругой младшему брату правящего императора? Выходит, он и вправду... чистокровный бастардовый ублюдок?!

Бросив взгляд на сникшего Третьего принца, Чу Цзинцзэ смягчил тон:

— Ступай в свою комнату и перепиши «Книгу песен» десять раз в качестве наказания. Лично проверю.

Лицо Третьего принца тут же вытянулось — переписывание текстов было для него худшей пыткой, но перед наследным принцем он мог лишь почтительно склонить голову:

— Слушаюсь.

Когда Третий принц удалился, наследный принц протянул Цзюсю пиалу с отваром:

— Пятый младший брат, выпей лекарство.

Цзюсю послушно принял пиалу, осушил ее до дна и хладнокровно спросил:

— Я еще могу вернуться в княжеский особняк?

Чу Цзинцзэ слегка опешил:

— Отныне младший брат будет жить во дворце. Не бойся, побудешь эти дни со мной, и никто больше не посмеет тебя обидеть. А через несколько дней тебе пора в школу, я уже подобрал тебе компаньона для учебы — Ло Ланя, старшего сына министра Ло. Он твой ровесник.

Под мягкий голос наследного принца Цзюсю снова провалился в дремоту.

Чу Цзинцзэ посидел рядом, протянул руку и ласково коснулся сухих, полинявших волос мальчика, тяжело вздохнув:

— Мне следовало забрать тебя на пару дней раньше.

Цзюсю отличался повышенной бдительностью и в незнакомом месте спать крепко не умел. Сейчас он находился в полусонном состоянии: пробудиться окончательно не мог, но окружающие звуки и разговоры улавливал отчетливо.

В комнату вошел облаченный в императорский халат толстый мужчина с лицом бледного оттенка. Его живот выпирал так, будто он был на четвертом месяце беременности. Единственным, что роднило его с утонченным Наследным принцем, были высокий рост да белоснежная кожа.

Император Чэнсюань был посредственным, самодовольным и ленивым правителем, превратившим государственные дела в сплошной хаос, с которым принц едва справлялся, пытаясь хоть что-то исправить. К тому же монарх отличался черствостью и сладострастием — судя по обстоятельствам появления на свет самого Цзюсю, в связях он был весьма неразборчив. Равнодушно относясь к женщинам гарема, к собственным сыновьям он питал не больше тепла, и исключением в этом списке был лишь Наследный принц.

Подойдя к ложу, наследный принц жестом выдворил всех слуг за дверь:

— Послушай, отец, другие только и ждут повода избавиться от соперников, а ты сам себе притащил головную боль.

— Государь-отец! — Цзинцзэ поспешно поднялся, отдавая поклон. — Он — младший брат вашего слуги, я не мог оставаться в стороне.

Император Чэнсюань ткнул в сына дрожащим от гнева пальцем:

— Ах ты, непослушный негодник!

Выпалив это, он обхватил руками пузатый живот и крутанулся на каблуках.

Наследный принц поспешно окликнул его:

— Отец, вы куда?

— Иду прыгать с крыши! — яростно бросил Император Чэнсюань.

Наследный принц вздохнул с безграничной усталостью на лице:

— Отец, прекратите дурить. Если бы я бросил младшего брата, на душе было бы спокойно.

Лицо императора сменило несколько оттенков:

— Не стоило тогда отдавать тебя великому наставнику, гляди, до чего он тебя довёл! — Затем, заметив помрачневшее лицо сына, он махнул рукой: — Ладно-ладно, пусть будет по-твоему. Но самое главное — изволь скорее порадовать отца внуком!

— Вы же знаете, как обстоят мои дела, детей по заказу не заводят, — с горькой усмешкой ответил Наследный принц.

В свое время Чу Цзинцзэ был отравлен: хотя он чудом выжил и яд вывели, здоровье с тех пор пошатнулось, оставив его бесплодным.

Взгляд Императора Чэнсюань упал на Цзюсюя:

— Раз уж он тебе так дорог, сделай его своим сыном.

Наследный принц не знал, смеяться ему или плакать:

— Отец, он же мой младший брат, как он может стать моим сыном?

Император отвел взгляд:

— Ну не хочешь — как хочешь.

На следующий день на утреннем докладе Император Чэнсюань обнародовал императорский указ: Цзюсюй официально объявлялся его пятым сыном. Что же до темного происхождения матери мальчика, о котором все предпочитали молчать, проницательные царедворцы и император хранили молчаливое согласие, делая вид, что всё шито-крыто.

И не стоит думать, что у Императора Чэнсюаня было мало детей — помимо пяти сыновей, у него имелось целых двенадцать принцесс. Так что сыновей у него оказалось маловато, а вот потомства в целом — вполне себе достаточно.

На простой деревянной кровати лежал бледный мужчина. Даже мертвенная бледность лица не могла испортить его выдающейся внешности — он был хорош собой едва ли не больше женщины. Чу Цзюсюй открыл глаза, приподнялся и потер ноющая виски: опять приснилось прошлое.

В келью вошел седовласый евнух с тазом воды. Умывшись, Чу Цзюсюй принял из его рук два небольших бамбуковых тубуса:

— Ванье, это вести из Шанцзина.

Вскрыв первый тубус, Чу Цзюсюй пробежал глазами короткую строчку: «Вдовствующая императрица выбирает мужа для великой принцессы, фаворит — старший сын герцога Чэнцзэ».

Лицо Чу Цзюсюя вмиг помрачнело. Старший сын герцога Чэнцзэ, Не Минчжи, некогда учился вместе со старшим сыном опального министра и бывшим товарищем по учебе Ло Ланем. После того как клан министра угодил в опалу и был полностью казнен, место компаньона занял Не Минчжи, быстро заслуживший его полное доверие.

Титул мужа принцессы издавна считался синекурой. Императрица-мать решила запустить лапу прямо в его окружение! Сжав послание в кулаке, Чу Цзюсюй превратил крошечный клочок бумаги в горстку пепла.

Герцогство Чэнцзэ давно пришло в упадок, и единственным толковым отпрыском там оставался как раз Не Минчжи. И дело было даже не в том, что сам Чу Цзюсюй не позволил бы этому случиться — сам род герцога не согласился бы отдать наследника в мужа принцессе. Шансы на то, что Не Минчжи женится на принцессе, равнялись нулю, и вдовствующая императрица не могла этого не понимать. А значит, впереди следовало ждать ее истинного хода и скрытых замыслов.

Евнух протянул второй тубус.

Чу Цзюсюй развернул записку: «Министр финансов Вэнь Шу скончался!»

Этот клочок бумаги постигла та же участь — он обратился в прах.

Буря приближалась!

Чу Цзюсюй опустил взгляд на пустую белую ладонь. При дворе было относительно тихо всего два года...

— Собирайте вещи, возвращаемся в столицу.

На границе вновь воцарился временный покой; он провел здесь целый год, пора и возвращаться.

В залитом светом главном зале стояла большая золотая статуя Будды. На нижнем сиденье восседал облаченный в белоснежные монашеские одежды мужчина; его черные, как смоль, волосы водопадом ниспадали на спину. В его белых пальцах мерно постукивал деревянный гонг-молоток о деревянную рыбку-муюй.

В пустом зале находился лишь монах, и ритмичный глухой стук плыл под сводами, постепенно изгоняя из души всякую суету, принося долгожданное умиротворение.

Стук смолк. Цзин У поднялся, взял благовонную палочку, зажег ее и вонзил в курильницу, после чего сложил ладони на груди и слегка поклонился:

— Амиабха.

Из выреза воротника выглянул молочно-белый нефритовый кулон размером с два больших пальца. Форма у него была самая заурядная — толстенький маленький карп, изгибающий хвост и выдувающий пузыри.

Цзин У протянул руку и спрятал нефрит обратно под одежду. Этот кулон принадлежал никому иному, как регенту Чу Цзюсюй. Десять лет назад, во время очередной вылазки в качестве лазутчика, Чу Цзюсюй случайно забрел в женские покои. На беду, в этот момент хозяйка купалась. Сбитый с толку юноша невольно выдал себя присутствием, а девица, к несчастью владевшая боевыми искусствами, стерпеть такого оскорбления не смогла — спешно накинув одежду, она выхватила меч и бросилась в погоню.

О чем только думал Чу Цзюсюй, облачившись в белые одежды лазутчика, — стал же идеальной мишенью! В суматохе лезвие перерубило шнурок подвески. Подхватив оброненный нефрит, Чу Цзюсюй припустил во всю прыть, а разъяренная девица не отставала ни на шаг.

Как назло, по пути Чу Цзюсюй попался Цзин У. Недолго думая, он сунул кулон ошеломленному монаху прямо в руку и скрылся за поворотом. Оставшись с украшением в руках перед лицом разъяренной фурии, Цзин У не мог оправдаться ни единым словом — беднягу-монаха чуть было не волоком не утащили в зятя.

Скорее всего, Чу Цзюсюй давно предал этот случай забвению, тем более что в суматохе он

точно не запомнил, кто именно подставился вместо него. Каждый раз при встрече с государственным наставником регент держался с непоколебимой уверенностью и наглостью.

Умывшись, Цзин У лег спать. Завтрашний день обещал быть крайне беспокойным.

Едва забрезжил рассвет, как раздался удар утреннего колоса. Все сановники уже выстроились в ряд в Зала Восходящего Солнца. На самом первом месте стоял государственный наставник Цзин У, чуть поодаль пустовало место регента Чу Цзюся, а справа от него расположился старый главный канцлер Фань Вэньфан.

Нынешнему сыну Неба исполнилось пятнадцать, он взшел на трон в трехлетнем возрасте. Детей у покойного императора было мало, и император, будучи законным сыном императрицы, имел лишь старшую сводную сестру и младшую сводную сестру. Великой принцессе Чу Юань уже исполнилось шестнадцать, и обе принцессы росли без матерей.

Вдовствующая императрица затеяла выдать Чу Юань замуж, а тайком прознавленный об этом Не Минчжи не рискнул затягивать время и поспешно заслал сватов к своей возлюбленной подруге детства, за один день громко и открыто объявив о помолвке.

Пятнадцатилетний юноша восседал на драконьем троне, хмуро оглядывая собравшихся министров. Он прекрасно знал, какова главная цель сегодняшнего сбора — вопрос о замещении поста министра финансов!

Покойный Вэнь Шу официально числился человеком главного канцлера Фань Вэньфана, но на деле являлся ставленником регента. Впрочем, Чу Цзюсяй вовремя раскусил предательство подчиненного, а вот имя того, кто стоял за спиной Вэнь Шу, оставалось покрытым мраком.

Кто именно убрал министра финансов, пока было неясно. Казалось, подозревать можно было каждого, и в то же время — никого конкретно. Больше всего Чу Цзюсяй подозревал главного канцлера Фань Вэньфана!

Император Чу Лань не стал ходить вокруг да около и тянуть время:

— Что касается поста министра финансов, есть ли у почтенных сановников кандидатуры?

В зале воцарилась зловещая тишина — никто не горел желанием высываться первым.

Обопрившись подбородком о ладонь, Чу Лань лениво протянул:

— Похоже, ни у кого нет подходящих кандидатур.

Наконец нашелся смельчак — из рядов вышел чиновник средних лет:

— По мнению вашего слуги, левый вице-министр финансов, господин Ван, подходит на эту

должность лучше всего. Он много лет провел бок о бок с покойным господином Вэнь и отлично знаком со всеми делами ведомства. Его способности очевидны для всех, он вполне достоин столь высокой чести.

Взгляд Чу Ланя равнодушно скользнул по фигуре чиновника. И без подсказки было ясно — человек канцлера. А чей человек этот вице-министр Ван, и гадать не стоило: старого пса главного канцлера Фаня.

Фань Вэньфан выглядел невозмутимым. Маленький император не глуп — должность министра финансов была слишком лакомым кусочком. И раз уж неучтенный Вэнь Шу внезапно отдал концы, император кого угодно посадит на это место, только не людей канцлера, а в итоге останется уповать лишь на политику баланса.

Вперед выступил улыбчивый молодой человек:

— Господин Лу ошибается. Пост министра финансов и пост вице-министра — это всё же разные вещи, и умение справляться с обязанностями заместителя вовсе не гарантирует готовности занять главное кресло.

Мужчина обернулся и с лукавым прищуром уставился на господина Вана; четки на его запястье ярко блестели, но в самом выражении лица дружелюбия не было ни на грош:

— Господин Ван, вчера после утреннего доклада я случайно стал свидетелем пренеприятнейшей сцены: ваша супруга из-за того, что вы потакаете наложнице и принижаете законную жену, устроила скандал и собралась уходить в родительский дом. Разве человек, не способный навести порядок в собственном доме, может возглавлять министерство финансов? Или господин Лу изволил пошутить?

Удар пришелся сразу по двум целям: по лицам господина Лу и господина Вана мгновенно покатился холодный пот. Господин Лу мысленно взвыл: за какую грехи ему досталось это поручение? Как теперь смотреть в глаза императору и предлагать других кандидатов? Стоило оплошать в оценке людей, как можно было распрощаться с блестящей карьерой.

Чу Лань бросил легкий взгляд на улыбающегося старому лису главному канцлеру и отрешенного до крайности государственного наставника. О Фане и говорить нечего, а наставник Цзин У вечно хранил вид безучастного к бренному миру мертвеца — неизвестно, способно ли вообще что-то в этом мире заставить его изменить выражение лица.

Отводя взгляд, император небрежно бросил:

— А у минского цзинли есть на примете достойные кандидатуры?

Мин Чэнь улыбнулся:

— Правый вице-министр Ли — весьма неплохой кандидат. Впрочем, мои познания скромны, а мудрость вашего величества безгранична, так что решать лишь вам, государь.

Подлиза! — подумало про себя добрая половина присутствовавших чиновников.

Чу Лань наконец выпрямился. Правый вице-министр был человеком из его партии, хотя официально он и придерживался нейтралитета. Но теперь эта тайная причастность стала почти очевидной. Его взгляд упал на невозмутимого Цзин У: без согласия наставника Мин Чэнь не стал бы произносить подобных речей. Что же это значит? Неужели государственный наставник так легко уступает пост министра финансов? Или это хитроумный отступ назад ради наступления?

Разумеется, ему хотелось протолкнуть левого вице-министра на этот пост, но разве мог он поступить столь опрометчиво? Ведь рядом коршуном сидел Фань Вэньфан, и тот ни за что не позволил бы планам императора осуществиться.

Немного помолчав, Чу Лань произнес:

— У каждого из двух кандидатов есть свои достоинства и свои недостатки, и я пока не решил, кому отдать предпочтение.

<http://bllate.org/book/21929/2278340>